

УДК 821.161.1 (Русская литература)

КАРНАВАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП В ПРОЗЕ Б.Т. ЕВСЕЕВА

© 2025 Л.У. Звонарева, О.В. Звонарев

Лола Уткирова Звонарева, почётный академик РАХ, доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН и ПАНИ, профессор
кафедры Цивилизационной журналистики

E-mail: lvzvona@yandex.ru

Олег Викторович Звонарев, кандидат исторических наук, доцент
кафедры Политических процессов и технологий

E-mail: donfeliz@yandex.ru

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 13.10.2025

Статья посвящена анализу художественных особенностей, смысловых слоев и культурных аспектов прозы современного русского писателя Б.Т. Евсеева (род. 1951, Херсон), проанализированной через призму методологии гуманитарных наук М.М. Бахтина, разработанной в статье «Методология гуманитарных наук» (1974). Авторы исследуют творчество Б.Т. Евсеева, вице-президента Русского ПЕН – центра, члена Союза писателей Москвы, заслуженного работника культуры РФ на примере его прозаических произведений «Баран» (2001), «Отреченные гимны», «Власть собачья» (2003), «Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники» (2005) и «Лавка нищих. Русские каприччио» (2009). По мнению авторов статьи, творческий метод Б.Т. Евсеева представляет собой, по сути, онтологический реализм. Кроме того, писателю близок особый тип хронотопа – «карнавальный хронотоп», служащий раскрытию проблемы современного общества через призму человеческих судеб и внутренних конфликтов героев в контексте Большого исторического времени. Но вместе с глубокой тревогой за судьбы своего Отечества, русского мира в целом, автор размышляет о возможности «перестройки» социального бытия в его стране на иной, не подверженной земным, рукотворным катаклизмам основе. Авторы приходят к выводу о том, что базовые ценности русского мира, по-прежнему остро волнуют русских писателей, и Б.Т. Евсеев не стал исключением.

Ключевые слова: Б.Т. Евсеев, карнавальный хронотоп, православие, русский культурный код, русский мир

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-104-16-28

EDN: KXYDAQ

Введение. В настоящей статье авторы предпримут попытку исследовать творчество современного русского писателя Б.Т. Евсеева (род. 1951, Херсон), вице-президента Русского ПЕН-центра, члена Союза писателей Москвы, заслуженного работника культуры РФ, конкретно – его прозаические произведения «Баран» (2001), «Отреченные гимны», «Власть собачья» (2003), «Романчик» (2005) и «Лавка нищих» (2009). В этих целях будут использоваться методология, предложенная М.М. Бахтиным в статье «Методология гуманитарных наук» (1974).

Творческий метод Б.Т. Евсеева представляет собой, по сути, онтологический реализм в том смысле, что последнее подразумевает наличие множества сущностей, формирующих собственную объективную реальность и обладающих ею, вне зависимости от того, осознаёт ли это человек разумный. По мнению авторов статьи, Б.Т. Евсееву близок особый тип хронотопа – карнавальный.

История вопроса. Вышеуказанный термин, «карнавальный хронотоп», применительно к творчеству Б.Т. Евсеева был предложен и обоснован одним из авторов этой статьи на международном конгрессе, посвящённом творчеству М.М. Бахтина в Гданьске в 2002 г. Термин обоснован с опорой на творчество русского писателя – эмигранта третьей волны – Ю.И. Дружникова, но работы этого прозаика некоторыми гранями близки прозе Б.Т. Евсеева. Неслучайно во время работы главным редактором издательства «Хроникер» писатель выпустил книгу полемической эссеистики Ю.И. Дружникова «Дуэль с пушкинистами» [Звонарева Л.У. 2002, с. 269-278], [Звонарева Л.У. 2008, с. 165-170].

М.М. Бахтин предложил новые методы исследования больших жанров (в первую очередь, романа) в контексте европейской культуры и Большого исторического времени. «Большое время», по М.М. Бахтину, – это время, в котором живут великие смыслы, созданные творцами разных эпох, это время свободы от бытовых мелочей, в которые погружены люди в своей обычной повседневной жизни. По словам М. Бахтина, «в "большом времени" ничто не пропадает бесследно, всё возрождается к новой жизни» [Васильев Н.Л., с. 144-152].

Литературовед ввёл и обосновал новые литературные термины – полифонизм (иначе говоря – многоголосье), смеховая культура, хронотоп, карнавализация, мениппея, духовный верх и телесный низ, обосновав их при анализе в отечественных (на материале прозы Ф.М. Достоевского) и европейских (на материале романа Ф. Рабле) эпических текстов [Коровашко А. В.].

Народная смеховая культура – ещё один важный пласт научных интересов М.М. Бахтина, в исследование которого он внёс серьезный вклад. Основные методологические идеи М.М. Бахтин сформулировал в статье «К философским основам гуманитарных наук», работа над которой началась в 1940-е гг. Размышлял он на эту тему и в заметках «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», созданных уже в 1950-1970-е гг. [Сычев А.А., с. 85-90.]

Ирония, оборачивающаяся нередко карнавалом, придаёт любому произведению глубину и гибкость, по мнению М.М. Бахтина: «Серьёзность задерживает, стабилизирует, она обращена к готовому, завершённому в его упорстве и самосохранении» [Бахтин М.М. 1997, с. 10]. В жанре полифонического романа он видел наследника более древних эпических форм: «Вся эта традиция, начиная от „сократического диалога“ и мениппеи, возродилась и обновилась у Достоевского в неповторимо оригинальной и новаторской форме полифонического романа Монолог, по мнению литературоведа, «не знает чужой мысли, чужой идеи». Рассматривая прозу Достоевского, Бахтин доказывал: «Всё в его мире живёт на самой границе со своей противоположностью.... Всё должно взаимоотражаться и взаимоосвящаться диалогически». Портрет человека у Достоевского статичен, завершен и, по словам Бахтина, монологичен» [Сычев А.А., с. 311].

Переход к работе «Автор и герой» был для М.М. Бахтина важным этапом в его философских изысканиях, ознаменовавшим окончательный выбор в пользу феноменологического метода. В этой работе М.М. Бахтин исследует взаимоотношения между автором и героем, рассматривая их как участников единого эстетического события. Феноменологический метод, который он выбрал, позволил ему глубже проникнуть в сущность этих отношений и понять, как они влияют на создание и восприятие художественного произведения. М.М. Бахтин утверждал: автор и герой не существуют отдельно друг от друга, а находятся в постоянном диалоге и взаимодействии. Автор создаёт героя, наделяя его определёнными чертами и характеристиками, но в то же время сам герой влияет на автора, формируя его мировоззрение и эстетические взгляды. Этот метод позволил М.М. Бахтину увидеть произведение искусства как единое целое, где все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Он подчёркивал: только через понимание этих взаимосвязей можно по-настоящему понять и оценить художественный текст. Литературовед признавался: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы всё пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней». «Нескончаемое обновление смыслов во все новых контекстах», – завет Бахтина, обращенный ко всем, без исключения, литературоведам будущих эпох [Бочаров С. Г., с. 433].

Именно поэтому мы настаиваем на необходимости учитывать контекст Большого времени как традиции М.М. Бахтина при анализе прозы Б.Т. Евсеева, ибо все исследователи считают необходимым подчеркнуть любимую мысль литературоведа: «Тема «далёких контекстов» была среди замыслов Бахтина в последние годы жизни» [Бахтин М.М. 1979, с. 411, 424].

О том, насколько внимательно Б.Т. Евсеев вчитывался в тексты М.М. Бахтина, насколькоозвучны были ему многие идеи литературоведа, свидетельствует такое признание прозаика, опубликованное в сборнике его статей: «Ведь значимость и современного прозаика, и современного читателя прозы – не в привязанности к тому или иному жанру, а в ясном ответе на вопрос: какой из жанров мой? То есть, в обнаружении и осознании своей собственной «памяти жанра (М. Бахтин)» [Евсеев Б.Т. 2024, с. 40]. Б.Т. Евсеев опирается на идеи М.М. Бахтина об амбивалентности народной культуры, полифоническом романе, равноправии всех голосов, релятивизме и взгляде на мир как на меняющуюся данность. Писателю в значительной степени присуща карнавализация мира, в которую он вовлекает и

читателя через изобретательный поэтический язык, показывая кипение страстей в ярких и неожиданных образах.

Вклад Б.Т. Евсеева в литературное наследие признан многими критиками, среди которых Л.А. Аннинский, П.В. Басинский, С.И. Чупринин, А.С. Немзер. Литературоведы утверждают: Б.Т. Евсеев – самобытный писатель, способный создать неповторимые образы героев. В его прозе говорится о трагедии человека, находящегося в условиях распада традиционных ценностей. Его произведения отличаются вниманием к внутренним конфликтам героев, использованием метафор и символов, а также способностью поднимать важные вопросы о смысле жизни и человеческой природе.

Методы исследования. В статье использованы историко-типологический, герменевтический описательный, биографический, структурный, семантический, лексический и социокультурный методы.

Результаты исследования. Мир в рассказах «Баран» [Евсеев Б.Т. 2001], «Лавка нищих» [Евсеев Б.Т. 2009], «Власть собачья» [Евсеев Б.Т. 2003 а], «Отреченные гимны» [Евсеев Б.Т. 2003 б] и романе «Романчик» [Евсеев Б.Т. 2005] открывается читателю как гигантский карнавал, в котором звучит несмолкаемый хор человечьих и звериных голосов, отрицая и продолжая друг друга. В этом жестоком карнавале неизменно побеждает телесный низ и проигрывает духовный верх. Произведения Б.Т. Евсеева, рассматриваемые через призму концепции М.М. Бахтина, обладают сложной и многогранной структурой, включающей фантастические элементы. М.М. Бахтин считал романное слово стилистически своеобразным, и в произведениях Б.Т. Евсеева это проявляется через сочетание реалистических и модернистских элементов. Любое слово в произведениях Б.Т. Евсеева ориентировано на диалог с чужими словами, что создает новые художественные возможности и прозаическую художественность. Б.Т. Евсеев вводит читателя в карнавализированный мир, где кипят страсти и образы представлены в самых ярких и неожиданных формах.

Это позволяет автору показать амбивалентность народной культуры и релятивизм мира. Несмотря на освоение мира как хаоса, подобно постмодернистам, Б.Т. Евсеев продолжает поиски смысла и стремится к освоению мира. Это отражает его стремление к осмыслиению и пониманию меняющейся реальности. В произведениях Б.Т. Евсеева присутствует полифония: в его прозе равноправны все голоса и мнения. Это позволяет автору создавать сложные и многогранные образы, отражающие различные аспекты реальности. Структура и функции произведений Бориса Евсеева, рассматриваемые через призму концепции М.М. Бахтина, включают фантастические элементы, которые помогают автору создавать сложные и многогранные художественные миры, отражающие амбивалентность и релятивизм современной реальности.

Художественный мир Б.Т. Евсеева отличается богатством деталей, глубиной психологических портретов и сложностью тематики. Его произведения часто затрагивают вопросы нравственности, истории, памяти и идентичности, что делает их актуальными и значимыми для современного читателя. Черты художественного мира Б.Т. Евсеева разнообразны и выразительны. В центре внимания писателя постоянно находятся вопросы морали. Герои его произведений сталкиваются с трудным выбором, вынуждены принимать решения, определяющие их дальнейшую жизнь. Прежде всего ему свойственны историческая память и преемственность. Б.Т. Евсеев активно обращается к прошлому, к событиям российской истории, таким как революция, гражданская война и сталинские репрессии. Он стремится показать, как исторические события влияют на судьбы людей и формируют их мировоззрение.

Одно из таких произведений – роман «Отреченные гимны» [Евсеев Б.Т. 2003 б], посвященный проблеме возрождения России. Действие происходит в ельцинские времена. Перед читателем разворачиваются исторические события недавнего прошлого – осада «Белого дома», расстрел мирных жителей в октябре 1993 г. В романе «Отреченные гимны» заметна опора автора на религиозные мотивы. Реалистическая сюжетная линия переплетается с линией поиска русской души своего места в жизни, полной вражды, распрея, политических и идеальных. Взаимопроникновение этих двух линий – социально-политической и метафизической и составляет суть романа. Автор исследует мытарства русской души, её испытания в огне политических распрея. Не обходится и без социально – бытового аспекта. Б.Т. Евсеев уделяет внимание и частной, бытовой жизни человека и семейным отношениям.

Это позволяет читателям увидеть жизнь в её естественном течении и понять, как социальные и исторические события влияют на повседневную жизнь людей.

Ощущима толстовская диалектика русской души, – её можно рассматривать как концепцию, согласно которой русская душа характеризуется внутренними противоречиями, борьбой противоположностей и стремлением к духовному поиску. В романах Б.Т. Евсеева эта диалектика проявляется через раскрытие внутреннего мира его персонажей, их моральные и экзистенциальные конфликты, их личностное стремление к самопознанию и самосовершенствованию.

Художественно-литературный метод Б.Т. Евсеева отличают целенаправленность, единая линия, несмотря на огромный разброс тем, проблем и характеров. Л. Бежин писал в рецензии на «Отреченные гимны»: «Нам нужна русская литература – сегодняшнего дня! И Борис Евсеев, на мой взгляд, один из тех, кто её создает. Да, его роман я поставлю в ряд, и в очень хороший ряд. Не буду сейчас перечислять достоинства романа, – важно, что он другой, что художественное, духовное, философское в нём не утеснено, не ужато, не сплющено временем! А наоборот, свободно расправлено. Это не постмодернистский карликовый романчик. Это большой русский роман, который у нас, наконец, появился» [Бежин Л. Е. 2003].

Заметно и родство реализма Б.Т. Евсеева с реализмом М.А. Булгакова, - можно говорить об опоре на булгаковские традиции, особенно в плане введения фантастических картин в социоисторическое полотно, религиозных мотивов в политическую борьбу. Писатель рано познакомился с ещё не изданными в советской стране произведениями М.А. Булгакова. В автобиографическом произведении «Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники» встречаем названия текстов классика XX в., которые альтер-эго автора – студент музыкального училища – прочитал в «Самиздате» и даже перепечатывал их для дальнейшего распространения.

В книге «Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники» [Евсеев Б.Т. 2005] Б.Т. Евсеев создаёт многослойное полотно текста, где переплетаются реальность и вымысел, прошлое и настояще. Главный герой, молодой человек, студент московского музыкального училища, сталкивается с трудностями взросления и поиска себя в мире, полном противоречий. Особенность этого романа: автор мастерски передает внутреннее состояние героя, его переживания и сомнения. Например, сцена первой встречи юного героя с возлюбленной: «Она была как будто сделана из воздуха, но одновременно она была реальна, её рука касалась моей руки, и я чувствовал её тепло...» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 20]. Этот фрагмент показывает, насколько тонко Евсеев умеет передать чувства и эмоции персонажей, делая их живыми для читателя.

«Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники» – художественно-документальный роман писателя, законченный в 2005 г. и выдержаный в автобиографическом, документальном ключе, появился как результат многолетнего творчества Б.Т. Евсеева. Хорошо знакомый Б.Т. Евсееву эмигрант третьей волны Юрий Ильич Дружников предложил в это время термин «микророман». А Б.Т. Евсеев выносит в заглавие нового произведения многозначное слово «романчик». Оно таит в себе несколько смыслов: означает в одно и то же время лёгкую интрижку с юной девой, рекомендуемую для спасения от опасной серьёзности (заметим: именно чрезмерную серьёзность критиковал в своё время и М.М. Бахтин) по совету одной из эпизодических героинь, и небольшое произведение, где жизнь главного героя представлена в рамках нескольких эпох, и деградацию как самой жизни, так и когда-то удивлявшего весь европейский мир жанра русского психологического романа.

Эпоха Золотого, XIX, века великих романов Л.Н. Толстого и столь любимого М.М. Бахтиным Ф.М. Достоевского завершилась. Происходит обмельчание, травестия великого жанра-эпопеи до низкопробного и легкомысленного «романчика» в веке XXI. Писатель начал работу над романом ещё в конце 1990-х гг., но долгое время не мог завершить его. Окончательная версия закончена лишь к середине 2000-х гг.

В «Романчике» писатель рассказывает историю отношений с будущей женой Фаридой, бывшей его однокурсницей, покорившей его бескорыстием и умением в сложнейших конфликтных ситуациях, в столкновениях с властью, рискуя собой, спасать любимого человека. В «Романчике» повествуется об истории любви, взросления души и противостояния несвободе в условиях советской эпохи. Главные герои – студенты. Оригинален подзаголовок произведения – «Некоторые подробности мелкой скрипичной техники». Автор смотрит на мир глазами молодого музыканта-скрипача, который всё

вокруг переводит на язык музыки – женщин, их внешность, сопоставляемую с устройством скрипки, полифонию окружающей жизни, всё, происходящее с ним и его однокурсниками и их окружением.

Постоянно оказываясь в сложных жизненных ситуациях – на грани исключения из института, без денег и жилья, с опасными несоветскими политическими взглядами – автор-повествователь убеждается: только эта девушка способна стать хранительницей очага и бескорыстной помощницей творческого человека, ищущего себя и главное дело будущей жизни.

Писатель убеждает читателей: выбор спутницы жизни для молодого человека необычайно важен, это выбор будущей судьбы. Ошибка здесь чревата потерей жизненных ориентиров и полным крахом всей жизни. Встречающиеся главному герою гиганты духа – Ростропович (под псевдонимом) и Солженицын (под реальной фамилией) – показаны без идеализации, реалистично и с неожиданной стороны. Их нравственная позиция, отношения с другими людьми, молодым поколением и самоупоённость помогает внимательным читателям избавиться от простодушного обожания этих всемирно знаменитых людей.

Автор неоднократно упоминал в различных интервью и частных беседах: работа над этим произведением была для него сложной. В романе переплетаются Подмосковье, разные районы Москвы и родной для писателя, родившегося в Херсоне, Новороссийский край.

В сравнении напряжённой жизни в Москве с роскошной природой Новороссии возникает контраст между городской суетой и природной свободой. Герои теряют любимую скрипку, сталкиваются со стукачами и сексотами, ведут борьбу за свободу и самовыражение.

«Романчик», построенный на фактах разных лет реальной жизни автора, начинается с описания беседы с «дамой богатырского роста и ума». В ней угадывается ныне покойная известный литераторовед Светлана Григорьевна Семёнова, доктор наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, супруга знаменитого философа Георгия Гачева, хорошего знакомого писателя.

Делегация писателей и учёных в микроавтобусе направляется в элитный подмосковный район Рублёвка на литературный обед в загородный особняк одного из видных московских олигархов, пишущих прозу и выпускающих книги. Смущённая серьёзным видом соседа по автобусу, автор-повествователя, дама-богатырша советует ему «завести романчик». Это слово заставляет повествователя вспомнить юность.

Действие романа разворачивается в Москве, весной, в начале нового тысячелетия, когда Россия начинает освобождаться от полууголовного морока криминальных 1990-х. Но Б.Т. Евсеев в духе М.А. Булгакова свободно монтирует временные пласти. В разных главах он переносит читателей на тридцать лет назад – в эпоху так называемого застоя – 70-х гг. ХХ в., когда главный герой учился в «Мусинском» музыкальном училище и должен был сделать судьбоносный выбор, с кем-то из окружающих его девушек-студенток связать свою дальнейшую жизнь: «В тот последний понедельник сентября 1973 года лекцию свою Георгий Иванович Куницы начал так...» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 13].

В духе популярной в конце 70-х гг. художественно-документальной повести В.П. Катаева «Алмазный мой венец» (где знаменитые герои Есенин, Маяковский, Пастернак скрыты под легко узнаваемыми прозвищами), Евсеев, меняя несколько букв, прячет реальных людей и реальные организации за легко угадываемой маской или псевдонимом (Мусинское училище – Гнесинское училище, Ростропович – Настропалевич, будущая жена писателя Фарида (в православном крещении Феодора) изображена под прозвищем Она-Её-Ей, сокращённого до О-Ё-Ёй).

После внезапной кончины супруги в декабре 2021 г. Б.Т. Евсеев опубликовал главу «Таганка» из «Романчика» в журнале «Литературные знакомства» в 2022 г. в рубрике «Шагнувшие в вечность», где в предисловии написал: недавно ушедшая Феодора Евсеева стала прообразом героинь нескольких произведений, в том числе «Романчика».

Автор стремился создать произведение, затрагивающее философские вопросы бытия, смысла жизни и смерти, отношений между людьми. «Романчик» сочетает в себе черты различных литературных течений и направлений, таких как мистический реализм, сюрреализм и постмодернизм. Читатель сталкивается с различными точками зрения персонажей, что создаёт ощущение полифонии, многомерности текста. Произведение поднимает вопросы экзистенциального характера – поиски смысла жизни, страх перед смертью, одиночеством и поиск себя. В романе сочетаются элементы

фантастики, мистики, реализма и даже детектива. Такое смешение позволяет автору исследовать границы жанра и создавать запоминающиеся художественные образы. Автор использует множество метафор, символов и аллюзий, чтобы передать глубину мыслей и чувств. Текст наполнен точно увиденными деталями, часто связанными ассоциативно с миром музыки, пластичными описаниями природы, эмоциональных перепадов в ощущениях героев, в восприятии ими себя и окружающего мира.

Один из характерных приёмов Б.Т. Евсеева – использование каламбуров. Писатель часто играет со значениями слов, порождая новые смыслы и ассоциации. Это придает тексту дополнительную глубину и многозначность.

В прозе Б.Т. Евсеев нередко обращается к сравнению людей с животными, к обыгрыванию зооморфного корня в фамилии человека. Так, в главе седьмой «Наутро» «Романчика» читаем: «..Поздно, товарищ Зайцев, – неизвестно к кому обращаясь, сказал похожий на симпатичную, но постоянно раздражаемую глупыми детьми обезьянку профессор Гольц и хохотнул в галстук.... При этом явного обезьянства в нем стало меньше, и волосатые гольцевские пальцы с квадратными подушечками перестали меня пугать» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 64]. Если в этом случае зооморфный код (человекообразный заяц, профессор – обезьянка) работает на создание карнавального хронотопа, то в рассказе «Баран» концепт «баран» – образ сильного, красивого, независимого, отважного животного – символизирует надежду на лучшее будущее для всех смелых и внутренне свободных живых существ.

Студенческая жизнь рисуется на фоне Большого исторического времени, в рамках которого стремится осмыслить себя главный герой. Поэтому в разговорах (а роман полифоничен, перенасыщен монологами и диалогами героев, каждый из них высказывает непохожую на других точку зрения) возникают фамилии великих писателей Ф.М. Достоевского, Н. Добролюбова, М.А. Булгакова, О.Э. Мандельштама, Б.К. Зайцева, Л. Андреева, А. Григорьева, Д.С. Мережковского.

Особенно важна для героя православная составляющая окружающего мира, отрицаемая в атеистическое советское время и столь естественная для М.М. Бахтина. Неслучайно героиня приглашает влюбленного в Андроников монастырь на выставку икон: «Слушай, а давай сходим на выставку, в Андроников? Там иконы из коллекции этого самого... Костаки...» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 24].

В «Романчике» Б.Т. Евсеев раскрывает судьбу народа и России на новом витке её развития. Эффект полифонии достигается писателем, когда он переходит на ритмизированную прозу, в которой словно звучат песенные голоса былых ресторанных гуляк и шумные загулы знаменитых москвичей дореволюционной эпохи.

Запрещённые цензурой в советском государстве произведения М.А. Булгакова («Роковые яйца»), М.И. Цветаевой («Лебединая стая»), О.Э. Мандельштама и А.И. Солженицына («Правая кисть») оказываются в портфеле главного героя, спрятанного его влюбленной во время визита милиционера. Герой участвует в создании «Самиздата», за чтение которого можно было не только быть изгнанным из института с волчьим билетом без права поступления в высшие учебные заведения, но и угодить в тюрьму: его перепечатывают студенты музыкального училища, стремящиеся понять, что произошло и происходит с их родной страной.

Использует зооморфный код для создания карнавального хронотопа писатель и в главе пятой «Романчика», озаглавленной автором «Вербовщик и артист», и в главе шестой – «Ночь с Экклезиаст-эсом» – описывающей однокурсника главного героя Митю (вновь видим зооморфные детали в портретных характеристиках и в живой речи персонажей), Б.Т. Евсеев рождают эффект карнавального хронотопа в пространстве престижного московского музыкального училища 70-х гг. XX в.

Созданию карнавального хронотопа способствуют и неожиданно подключаемые писателем заморские экзотические сравнения. Так, популярного актёра и барда Владимира Высоцкого Б.Т. Евсеев сравнивает... с «потухшим средиземноморским вулканом» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 52]; сказочные сопоставления дополняет старославянским словцом: «зажмурил очи и приблизил Кощееву головку ко мне вплотную» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 66].

Карнавальная суть происходящего заставляет постоянно вспоминать М.М. Бахтина, прямые отсылки к карнавалу даёт и текст произведения: «– Так, – сказал капитан. – Вы, я вижу, и здесь продолжает свою клоунаду» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 87]. Тема карнавала развивается и в милицейском участке, где призванные карать и преследовать молодые милиционеры думают о том, как спасти незадачливого музыканта, потерявшего паспорт и вызывающего интерес у сотрудников другой, го-

раздо более могущественной организации - КГБ (на карнавальном, молодёжно-диссидентском языке тех лет – «Контора Глубокого Бурения»). Попросив молодого музыканта сыграть на гитаре и слушая новую песню Высоцкого, они готовы пуститься в пляс, а сама песня великого барда развивает всю ту же карнавальную тему:

«В кабаках – зелёный штоф,
Белые салфетки, –
Рай для нищих и шутов.
Мне ж – как птице в клетке.
В церкви – смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет, и в церкви всё не так,
Всё не так, как надо!» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 90].

Ещё одна значимая мысль, облечённая в ёмкую формулировку «невидимая преграда», постоянно фигурирует в прозе писателя. Мы встречаемся с этим во многих его новеллах. Автор-повествователь признаётся: «после второго курса словно запнулся о какую-то невидимую внутреннюю преграду» [Аннинский Л.А., с. 1-5].

Но герои Б.Т. Евсеева находят верный путь. Наткнувшись на преграду, они понимают, что «не туда шли».

Печален финал «Романчика»: в духе карнавальной концепции М.М. Бахтина (недаром Б.Т. Евсеев упоминает о «несорванности масок» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 92]) писатель выносит приговор эпохам, в которые выпало ему жить: «...для «вождей» вся их деятельность – антураж, прикрытие. Это я тебе как бывший «вербовщик» скажу. Начинают... разговорами про свободу, а кончают призывами – бомбить и бомбить! И разбомбили. Та страна – сгинула. Новой – нет. Не СССР разодрали на части! Россия – на краю сгуба...Революция – не выход. Она – тупик, тупик, тупик!» [Евсеев Б.Т. 2005, с. 92].

Важной особенностью творчества Б.Т. Евсеева становится его умение сочетать реализм с элементами мистики и сюрреализма. В некоторых его произведениях события развиваются в необычных, порой фантастических условиях, и эти элементы служат для усиления психологического напряжения и более глубокого раскрытия характера героев.

Новелла «Баран» [Евсеев Б.Т. 2001], написанная в 2001 г. в стиле мистического реализма, стала одной из самых значимых произведений в творчестве писателя, вызвавшей широкий резонанс среди читателей и критиков. Это заглавное произведение первой книги Б.Т. Евсеева выделяется уникальным языком. Его насыщенность смыслом и оригинальность стиля дополняется «потайной дверью» (похожий приём использовал М.А. Булгаков), спрятанной в прозаической ткани рассказа «Баран».

В новелле, давшей название всему сборнику [Евсеев Б.Т. 2001], речь идёт о баране, убежавшем в Москве от кавказцев, решивших его зарезать и приготовить из него шашлык. По иронии судьбы, приговорённый, казалось, к неизбежной смерти баран остаётся невредимым и даже возвращается в родные горы, а гонявшимся за ним любители свежего шашлыка отправились в мир иной – полегли под пулями владельца казино. Эта, на первый взгляд, невероятная история вместе с тем – «кусок подлинной реальности». Как отмечает критик: «Борису Евсееву вдруг удалось передать жуткое ощущение опасности, разлитой в воздухе времени. Опасности, вот именно логически не объяснимой, когда не знаешь, что может случиться в следующую минуту, а в то же время понимаешь, что может случиться все, что угодно» [Коробов В.И., с. 2].

Автор прибегает к использованию карнавального хронотопа для создания сложного и многомерного мира, где переплетаются человеческие и животные инстинкты, реальность и символика. Рассказ становится катализатором внутренней рефлексии читателя, способствуя осознанию собственного бытия и пониманию глубинных философских и символических смыслов. Баран символизирует жизненную силу, мужество, импульсивность и упрямство. Вместе с тем, он становится центральным образом, через него автор передает сложные человеческие эмоции и состояния.

«Власть собачья» — рассказ, опубликованный в 2003 г., также выдержан в стиле мистического реализма, побуждает к размышлению и самоанализу, предлагает читателю взглянуть на себя и своё место в мире с новой перспективы [Евсеев Б.Т. 2003]. Рассказ явно задумывался в 90-е гг. ХХ в., когда Россия была погружена в криминальный и полукриминальный раздел собственности и «сфер влияния». В произведении встречаются элементы социальной сатиры, поднимаются вопросы власти, человеческой природы и взаимоотношений человека с животными. Писатель использует образ собаки как метафору для исследования глубинных аспектов человеческого существования. В центре рассказа — темы одиночества, поиска смысла жизни, борьбы за власть и влияния на окружающих. Через взаимодействие человека и животного автор показывает: истинная природа власти сродни животному инстинкту.

В своем произведении Б.Т. Евсеев мастерски переплетает реальность и фантастику, создавая атмосферу загадочности и напряжения. Читатель постепенно погружается в мир, где границы между человеческим и животным стираются, а традиционные представления о добре и зле подвергаются сомнению. Рассказ наполнен символикой и аллегориями, помогающими читателю глубже понять смысл происходящего: собака в рассказе символизирует не только физическую силу и власть, но и духовную сущность, способную быть как светлой, так и темной. Криминальные разборки — в его центре. Бывший инженер Иваняев (инженеры в постсоветской России потеряли работу первыми из-за закрытия заводов) по кличке Хряк, не поделившийся добытыми деньгами с другими участниками банды — Зюлей, Лимоном, Рижанином и начинающим вором без клички — бакланом, пытается спастись от них бегством. Опасаясь мести бандитов, он прыгает с холма навстречу собачьей стае, надеясь: с собаками проще найти общий язык, чем с озверевшими и алчущими денег людьми. Собаки, от голода ставшие людоедами, не раздирают на клочки Хряка из-за защиты его рыжим вожаком стаи по кличке Огонь. Но вожак начинает использовать Хряка как приманку для других людей: их он бросает на растерзание голодной стае.

Выбирая между собаками и людьми, Хряк решает помириться с бывшими друзьями-бандитами и звонит им с просьбой о помощи. Бандиты разгоняют стаю, но финал рассказа оказывается открытым, как часто бывает у Б.Т. Евсеева. Не совсем понятно, кого первым убивают бандиты — собак-людоедов или бывшего коллегу. Автор показывает: бандиты такие же озлобленные, как бездомные псы, желающие только денег. Символический финал рассказа предсказывает неизбежность окончания и бандитского периода в истории страны, когда члены одних группировок убивали лидеров других и обычный человек оказывался неожиданно для себя погружен в бандитские разборки.

Через историю главного героя и его взаимоотношений с собакой Б.Т. Евсеев демонстрирует, как легко человек поддаётся искушению силой и начинает использовать её в корыстных целях. Однако автор также подчёркивает важность внутренней гармонии и ответственности, напоминая: истинная власть заключается не в способности подчинять других, а в умении управлять собственными желаниями и стремлениями. В конечном итоге, рассказ «Власть собачья» поднимает философские вопросы о природе власти, человеческих слабостях и силе духа. Это произведение призывает читателя задуматься о том, что значит быть настоящим хозяином жизни и как важно уметь контролировать свои желания и инстинкты.

Финальная фраза трагического по накалу драматических страстей и неумолимо растущему числу убийств рассказа «Власть собачья» внушиает надежду на будущее и кажется относящейся не только к сложившейся ситуации — расстрелянной бандитами стае собак-людоедов, но и к царящему в России в 90-е гг. криминальному беспределу: «Власть собачья шатнулась» [Евсеев Б.Т. 2003, с. 428]. Таким образом, «Власть собачья» не просто история о человеке и его отношениях с животным. Это глубокое исследование человеческой природы, власти и морали, заставляющее задуматься о собственных ценностях и приоритетах.

Рассказ Б.Т. Евсеева «Лавка нищих» опубликован в одноименной книге новелл в 2009 г., в условиях углубляющегося экономического кризиса, поставившего под вопрос многие ценности — стабильную работу, приемлемый уровень жизни. Рассказ написан в стиле фантастического реализма. Термин «фантастика» появляется уже в 5 микропглавке рассказа — «Если бы это было бредом или фантастикой! Если бы.... Нет, все оказалось реальностью» [Евсеев Б.Т. 2009, с. 50].

В рассказе много мистики и скрытых символов, понятных только в контексте времени, переживавшего Россией в те годы, когда восторжествовало то, что М.М. Бахтин называл «телесным низом».

«Лавка нищих» – рассказ на языке метафор о времени, когда население России было выброшено в стихийный рынок, изуродовано и обесчещено нищетой и потерей смысла жизни. Когда расцвели секты и сомнительные сообщества, промышляющие разнообразными афёрами.

Нам открывается Россия 90-х гг. ХХ в., где продавалось всё и вся. Где рухнули былье гуманистические ценности, и главное – обесценилась человеческая жизнь, «золото жизни», и люди почувствовали себя в огромном сумасшедшем доме, а все психбольницы оказались переполненными. Милиция в сговоре с бандитами, выбор для героя – или убить преследователей и шантажистов, или имитировать самоубийство с помощью бывшей подруги. Озлобленный и потрясённый, он выбирает второе и остаётся в финале рассказа с оружием в руках: «Вот потому-то в руках у меня бутылка с зажигательной смесью, а в кармане – выменянная на «Панасоник» – «эргэшка», граната РГ-1. Только не знаю, для кого она. Для них, для меня?» [Евсеев Б.Т. 2009, с. 55].

В предпоследней фразе рассказа Евсеева это оружие играет роль чеховского ружья, которое должно выстрелить. И последующие войны, прокатившиеся через Россию и её окраины, – реальное продолжение этой пророческой новеллы, её можно рассматривать как эпиграф к труднейшему периоду постсоветской истории государства.

Б.Т. Евсеев создаёт в этом рассказе галерею образов людей нашего времени, которых, как и шукшинских, называют «чудиками». Однако, как отмечают критики, они ближе героям узорчатой прозы А.М. Ремизова, мрачноватому сюрреализму Ф. Сологуба и языковой полифонии А. Платонова. Эти люди узнаваемы и живут рядом с нами, но их реальность часто смешивается с ирреальными ситуациями, создавая уникальную картину мира. Проза Б.Т. Евсеева – это особый художественный способ рассказа о современном мире и его проблемах. Главная тема – нищета, деградация и нравственное разложение, обрушившиеся на россиян в конце прошлого века. Для Б.Т. Евсеева важен хронотоп дома детства, где внутреннее пространство защищено от внешнего мира, поэтому он постоянно возвращается к воспоминаниям о детстве в тёплой, уютной Новороссии, ставшей в новое время полем жестокого боя между двумя славянскими странами.

Массовое обнищание населения, торговля людьми внутри страны и на вывоз (особенно юными девушкиами), процветавшая в 90-е гг. прошлого века, обесценивание вкладов и деноминация денег, закрытие предприятий и научно-исследовательских институтов, исчезновение писательских гонораров, массовая эмиграция – всё это приводило к тому, что на грани нищеты – в виртуальной «лавке нищих» – оказались миллионы жителей бывшей советской страны. В этом смысле название рассказа – «Лавка нищих» – у Б.Т. Евсеева обретает символическое значение как диагноз социальной ситуации в России первого постсоветского десятилетия.

Мы видим в прозе Б.Т. Евсеева, посвящённой 70-м и 90-м гг. ХХ в. СССР и постсоветской России, как уродливая социальная реальность искажает и разрушает самые благородные человеческие устремления, как человек не выдерживает испытания эпохой и её искажениями. Полифония разных мнений, постоянные споры и диалоги героев, их взаимовлияние и отрицание разных позиций создаёт неповторимый образ времени с его любимыми идеями, заблуждениями и гениальными пророческими прорывами отдельных незаурядных личностей.

Россия 90-х гг. предстаёт в изображении Б.Т. Евсеева и в духе литературоведческой концепции М.М. Бахтина гигантским карнавалом, «Лавкой нищих», где царствует «Власть собачья», а за масками политиков, общественных деятелей, блюстителей порядка пропадают звериные рожи рвачей и бандитов, думающих только о собственном кармане. Сборник рассказов «Лавка нищих» [Евсеев Б.Т. 2009] напоминает капричес Гойи: звериные морды проглядывают из-за лиц обычных людей, превращаясь в чудовищ в сумерках или при свете свечи. Главным приёмом прозы писателя в проанализированных произведениях оказывается полностью выдержанной в традициях М.М. Бахтина так называемый «карнавальный хронотоп», создаваемый нередко с опорой на зооморфный код, используемый в портретных характеристиках даже эпизодических персонажей. Благодаря этому всё происходящее в конкретную эпоху и с реальными людьми изображается с использованием сатирического гротеска, накладываемого на узнаваемые реалии времени и национальные характеры героев.

Пронизанное высокой иронией и в мельчайших деталях реконструируемое писателем российское (а порой советское) историческое пространство 70-х и 90-х гг. ХХ в. завораживает читателя, тревожа

его высочайшим уровнем художественности и впечатляющей достоверностью. Писатель показывает, как страшно и античеловечно всё, что происходило в России в 1990-х гг., провалившейся в уголовное пространство, где трудащемуся человеку не было места, ему грозила неминуемая гибель, вне зависимости от того, чем он занимался в стране, где государство перестало нести ответственность за жизнь и состояние граждан. Во всех анализируемых произведениях при создании образа героев писатель использует особый тип всепроникающей горькой иронии, помогающей увидеть как самих героев, так и всё происходящее с ними в рамках Большого исторического времени.

Произведения Б.Т. Евсеева выполняют важную социальную функцию, выражая общественный опыт людей определённой эпохи. Они критически осмысливают действительность, выявляют социальные проблемы и предлагают пути их решения. Произведение становится инструментом для анализа и понимания общественных процессов, что делает его важным элементом культурного и социального развития общества. Художественный текст рассматривается как набор бытийных точек, свидетельствующих об авторе и о мире. Эти точки взаимодействуют этически, создавая внутренний мир произведения. Для реципиента текст становится катализатором внутренней рефлексии, способствуя осознанию собственного бытия.

Соревнуясь с М.М. Бахтиным, Б.Т. Евсеев придумывает собственный литературоведческий термин – «лёгкий кинематограф прозы». Полифония – многоголосье внезапно появляющихся ниоткуда героев, становящая главным в этом «кинематографе» показывает – писатель разрабатывает литературоведческие открытия и понятия, введённые именно М.М. Бахтиным: «Начинался «лёгкий кинематограф прозы»! [Евсеев Б.Т. 2005, с. 40].

По М.М. Бахтину, в хронотопе встречи «преобладает временной оттенок, и он отличается высокой степенью эмоционально-ценностной интенсивности» [Бахтин М.М. 1986, с. 276]. Встреча повествователя с героем может означать столкновение человека и природы. Для барана это – «ненужная остановка», для автора-повествователя – знаковое событие, материализация плодов воображения. Как считает А.Ю. Большакова, недекларируемая русскость, способность передать в слове взаимопроникновение социоисторического, метафизического и метафорического (иносказательного) смыслов национального бытия позволяет зачислить Б.Т. Евсеева в почвенники, а стиль его литературного письма назвать феноменологическим [Большакова А. Ю., с. 30]. Безусловно, Б.Т. Евсеев сосредоточен на показе подлинной реальности, хотя и облаченной порой в модернистские формы.

Несмотря на увлечение идеей русскости и пристрастие к исследованию русского характера, в творчестве Б.Т. Евсеева мы видим широкое обращение к инонациональным героям и среде. Это объясняется тем, что Б.Т. Евсеев ведёт разговор о мире, который «един для всех». Один из его любимых жанров – повесть или небольшой роман. Все они объединены рядом типологических черт, основанных на поэтике, предлагаемой М.М. Бахтиным: использовании хронотопа, полифонии, карнавализации художественного пространства и воссоздании картины мира на фоне Большого исторического времени.

Но Б.Т. Евсеев не просто использует бахтинское понимание поэтики, он последовательно её развивает и обогащает собственными находками. Как мы попытались доказать, всё, что происходит с его героями в рассказах «Баран», «Лавка нищих», «Власть собачья», «Отреченные гимны» и романе «Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники», Б.Т. Евсеев рассматривает в рамках предложенного Бахтиным Большого исторического времени. Писатель постоянно использует бахтинский приём полифонии: в упомянутых произведениях неизменно звучит многоголосье формулируемых героями позиций, мнений, философских взглядов, что позволяет создать неповторимый образ времени и представить огромную страну, раздираемую противоречивыми желаниями её жадных и эгоистичных властителей и доверчивых и растерявшихся жителей.

Проза Б.Т. Евсеева становится «свернутой» метафорой подлинности и онтологической осмысленности бытия, не только погружая читателя в мир эмоций и духовных исканий, но и предлагая глубокий анализ человеческой природы, а также раскрывая перед читателем многогранность и сложность внутреннего мира человека. Рассказывая о мире и о людях, Б.Т. Евсеев считает главной проблемой современного общества деградацию, нравственное разложение и потерю духовности, призывает к возврату утерянных ценностей.

Выводы. Б.Т. Евсеев занимает особое место среди писателей постсоветской эпохи благодаря уникальному стилю и тематике произведений. Он был одним из тех авторов, кто активно исследовал

проблемы современного общества через призму человеческих судеб и внутренних конфликтов героев. В его произведениях можно найти как отражение кризиса времени, так и глубокие философские размышления о смысле жизни, вере, нравственности и судьбе.

Писатель, с одной стороны, с грустью констатировал постепенную утрату российским обществом в эпоху 1990-х гг. базовых ценностей, отличительных черт русской и советской, русской цивилизации (как, например, соборности, духа коллективизма, тяги к справедливости и т. д.). Остроту этим ощущениям писателя придавало и то, что цивилизация русского мира (как бы она не называлась в те или иные периоды исторического развития нашей страны) всегда несла в себе зародыш иного мира, справедливого по своей сути.

Мира, где основа всего—это социальная справедливость, правда, жизнь по совести, то есть на основе «благой вести». В системе ценностей русского мира Человек – это не разумное животное, которое может только потреблять, уничтожая окружающий мир подобно некому «вирусу», он имеет душу, создан Творцом «по своему образу и подобию». Таким образом, человек, по своей сущности, «наместник Бога» на Земле. Он имеет свободу воли и выбора, способен созидать и творить, строить на планете «царство Божие». А если это так, то в таком мире правда выше закона, общее выше частного, духовное выше материального. Истоки «русского кода» коренятся в древнем языческом прошлом, когда наши предки славили Правь - мир света и справедливости. Затем эти основы в соединении с христианством породили Православие - «славие Прави (Правды)».

Но вместе с глубокой тревогой за судьбы Отечества, русского мира в целом, автор размышлял о возможности «перестройки» социального бытия в его стране на иной, не подверженной земным, рукоизврорным катаклизмам основе. Б.Т. Евсеев в этих размышлениях не одинок. Достаточно вспомнить идею христианского социализма, основной целью которой было, по мысли Ф.М. Достоевского, сформулированной в романе «Братья Карамазовы», устроения государства по примеру церковной общины.

Иными словами, мы свидетели того, что базовые ценности «русской матрицы или русского кода», а именно: духовность, справедливость, царствие Правды, по-прежнему волныют русских писателей, таких как Б.Т. Евсеев, также как это было и в случае выдающихся представителей русской литературы XIX в., один из столпов которой, без сомнения, Ф.М. Достоевский. Именно поэтому такая литература, авторы которой беспокоятся о своей Родине и пытаются «нащупывать» варианты переустройства общественной жизни с учётом ценностей «русского кода», имманентно присуща русскому миру, усиливает его духовные начала.

Источники:

1. Евсеев, Б. Т. Баран. Повести и рассказы. – М.: Хроникер, 2001. – 240 с.
2. Евсеев, Б. Т. Власть собачья. Повести и рассказы. – Екатеринбург.: У-Фактория, 2003. – 430 с. (а)
3. Евсеев, Б. Т. Отреченные гимны роман / Борис Евсеев. – М. : Хроникер, 2003. – 510, [1] с. (б)
4. Евсеев, Б. Т. Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники. – М.: Время, 2005. – 333 с.
5. Евсеев, Б. Т. Лавка нищих. Русские капричо. – М.: Время, 2009. – 336 с.
6. Евсеев, Б. Т. Чехов и роман // Евсеев, Б. Т. Письмена на коже: Опыты и раздумья. – М.: Русский ПЕН-центр; Библиотека искусств им. А.П. Боголюбова, 2024. – 386 с.

Литература

1. Аннинский, Л. А. Инструментальные гимны // Евсеев, Б. Т. Романчик. Некоторые подробности мелкой скрипичной техники. – М.: Время, 2005. - 333, [1]. С. 1–5.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. – 445 с.
3. Бахтин, М. М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – 732 с.
4. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 545 с.
5. Бежин, Л. Е. Борис Евсеев. «Отречённые гимны». // Новый журнал. - 2003. – № 232. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2003/232/boris-evseev-otrechennye-gimny.html?ysclid=mgjhgt7qoj688248004> (дата обращения 10.10.2025).
6. Большикова, А. Ю. Феноменология литературного письма: О прозе Бориса Евсеева. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 126 с.

7. Бочаров, С. Г. Достоевский у Бахтина (Бахтин–филолог) // Достоевский и ХХ век. Т. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 519 с. – С. 514–527.
8. Васильев, Н.Л. Концепт М.М. Бахтина "Большое время" как реальная жизненная практика и потенциальная этическая категория // Проблема хронотопа в современных научных исследованиях/ Problems of chronotope in modern scientific studies = The problems of chronotope in modern scientific studies : международный круглый стол, посвящённый М. М. Бахтину (19–20 апреля 2017 года, Москва): сборник статей и докладов / Ред. и сост. Е. А. Семенова. — Москва: ИХОиК РАО, 2017. — 500 с.
9. Звонарева, Л. У. Карнавальный хронотоп в прозе Ю.И. Дружникова // Bakhtin & His Intellectual Ambience (Материалы X Бахтинской конференции). — Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego, 2002. – 300 р.
10. Звонарева, Л. У. Карнавальный хронотоп в прозе русских писателей – эмигрантов третьей волны // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: Международный сборник статей: [Материалы II Международной науч. конференции "Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен" Москва, 25–26 мая 2006г] / Общ. ред. Н. М. Щедриной; Вступит. статья Н. М. Щедриной. – М.: Московская академия образования Натальи Нестеровой. – 2008. – 240 с. С.165–170.
11. Коробов, В. И. Беги, баран, беги! (Книга–событие) // Литературная Россия. – 2001. – № 37. – С. 2.
12. Коровашко, А. В. Михаил Бахтин / Алексей Коровашко. — М.: Молодая гвардия, 2017. – 452 [12] с.
13. Сычев, А. А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Известия самарского научного центра российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико – биологические науки. – 2018. – Том 20. – № 6. – С. 85–90.

CARNIVAL CHRONOTOPES IN BORIS EVSEEV'S PROSE

© 2025 L.U. Zvonareva, O.V. Zvonarev

Lola U. Zvonareva, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the Academy of Sciences of Russia, Professor of the Department of Civilizational Journalism

Email: lzvonareva@mail.ru

Oleg V. Zvonarev, PhD in History, Associate Professor of the Department of Political Processes and Technologies

E-mail: donfeliz@yandex.ru

Zhirinovsky University of World Civilizations
Moscow, Russia

The article is dedicated to analyzing fiction peculiarities, semantic implications, as well as cultural facets of Boris Evseev's creative works, the contemporary Russian writer, studied from the point of view of humanities methodology developed by M. Bakhtin in his article named "Methodology of humanities" (1974). The authors explore the creative work of Boris Evseev, the vice-president of the Russian Pen–center and Moscow Writers' Union member, honored worker of culture (born in Kherson, 1951) on the example of his such prose works as "Ram" (2001), "The renounced anthems", "Dogs' power" (2003), "The fling. Some peculiarities of the minor violin' technique" (2005) and "Paupers' Hole-in-the-wall. The Russian capriccios" (2009). The authors consider Boris Evseev's creative method to essentially be ontological realism. The authors think Boris Evseev to incline to the special chronotope type, namely carnival chronotope, with the extensively exploring contemporary society problems from the point of view of human fate and protagonists inner conflicts within the context of the Great historic time. However, feeling the anxiety for his Motherland destiny, as well as the Russian world in general, Boris Evseev speculates on the possibility of the social life reorganization in his country on the alternative basis, being immune to mundane, man-made calamities. The authors proclaim the Russian world core values to be still of great concern of such Russian writers as Boris Evseev.

Keywords: Boris Evseev, carnival chronotope, Orthodoxy, the Russian cultural code, the Russian world

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-104-16-28

EDN: KXYDAQ

Sources:

1. Evseev, B. T. Povesti i rasskazy` (Ram. Novelettes and stories). – M.: Xroniker, 2001. – 240 s.
2. Evseev, B. T. Vlast` sobach`ya. Povesti i rasskazy` (Dogs' power. Novelettes and stories). – Ekaterinburg.: U–Faktoriya, 2003. – 430 s. (a)
3. Evseev, B. T. Otrechenny'e gimny` roman (The renounced anthems. A novel) / Boris Evseev. – M. : Xroniker, 2003. – 510, [1] s. (b)

4. Evseev, B. T. Lavka nishhix. Russkie kaprichcho (Paupers' Hole-in-the-wall. The Russian capriccios). – M.: Vremya, 2009. – 336 s.
5. Evseev, B. T. Romanchik. Nekotorye podrobnosti melkoj skripichnoj texniki (The fling. Some peculiarities of the minor violin' technique). – M.: Vremya, 2005. – 333, [1] s.
6. Evseev, B. T. Chexov i roman (Chekov and novel) // Evseev, B. T. Pis'mena na kozhe: Opyty i razdum'ya (Writings on skin: Exercises and speculations). – M.: Russkij PEN-центр; Biblioteka iskusstv im. A.P. Bogolyubova, 2024. – 386 s.

References:

1. Anninskij, L. A. Instrumental'nye gimny (Instrumental hymns) // Evseev, B. T. Romanchik. Nekotorye podrobnosti melkoj skripichnoj texniki. – M.: Vremya, 2005. – 333, [1]. S. 1–5.
2. Baxtin, M. M. E'stetika slovesnogo tvorchestva (Verbal creation esthetics). – M.: Iskusstvo, 1979. – 445 s.
3. Baxtin, M. M. Sobr. soch. v 7 t. (Works compilation in 7 vol.) T. 5 (Vol. 5). – M.: Russkie slovari, 1997. – 732 s.
4. Baxtin, M. M. Literaturno – kriticheskie stat'i (Literary critical works). – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 545 s.
5. Bezhin, L. E. Boris Evseev. «Otrechyonnye gimny» (Boris Evseev. The renounced anthems) // Novyj zhurnal. – 2003. – № 232. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2003/232/boris-evseev-otrechennye-gimny.html?ysclid=mgjhgr7qoj688248004> (data obrashheniya 10.10.2025).
6. Bol'shakova, A. Yu. Fenomenologiya literaturnogo pis'ma: O proze Borisa Evseeva (Literary creation phenomenology: about Boris Evseev's prose). – M.: MAKS Press, 2003. – 126 s.
7. Bocharov, S. G. Dostoevskij u Baxtina (Baxtin about Dostoevskij (Baxtin as a philologist) // Dostoevskij i XX vek (Dostoevskij and the XXth century). T. 1 (Vol. 1). – M.: IMLI RAN, 2007. – 519 s. – S. 514–527.
8. Vasil'ev, N.L. Koncept M.M. Baxtina Bol'shoe vremya kak real'naya zhiznennaya praktika i potencial'naya eticheskaya kategoriya (Baxtin's Great time concept as a living practice and potential ethic category) // Problema xronotopa v sovremennyx nauchnyx issledovaniyax/ Problems of chronotope in modern scientific studies = The problems of chronotope in modern scientific studies : mezhdunarodnyj kruglyj stol, posvyashchennyj M. M. Baxtinu (19–20 aprelya 2017 goda, Moskva): sbornik statej i dokladov (international round table dedicated to M.M. Baxtin (19–20 of April, 2017) / Red. i sost. E. A. Semenova. – Moskva: IXOIK RAO, 2017. – 500 s. – S. 144 – 152.
9. Zvonareva, L. U. Karnaval'nyj xronotop v proze Yu.I. Druzhnikova (Carnival chronotope in Yu. I. Druzhnikov's prose) // Bakhtin & His Intellectual Ambience (Materialy X Baxtinskoy konferencii (Bakhtin's Xth conference materials). – Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego, 2002. – 300 p.
10. Zvonareva, L. U. Karnaval'nyj xronotop v proze russkix pisatelej – e'migrantov tret'ej volny' (Carnival chronotope in the Russian third wave emigrant writers works) // Russkoe zarubezh'e – duxovnyj i kul'turnyj fenomen: Mezhdunarodnyj sbornik statej (The Russian emigrant literature as a spiritual and cultural phenomenon: The international compilation of articles): [Materialy II Mezhdunarodnoj nauch. konferencii Russkoe Zarubezh'e – duxovnyj i kul'turnyj fenomen Moskva, 25–26 Maya 2006g (the materials of the Second international scientific conference named The Russian emigrant literature as a spiritual and cultural phenomenon. Moscow, 25–26 of May, 2006)] / Obshh. red. N. M. Shhedrinoj; Vstupit. stat'ya N. M. Shhedrinoj. – M.: Moskovskaya akademiya obrazovaniya Natal'i Nesterovoj. – 2008. – 240 s.
11. Korobov, V. I. Begi, baran, begi! (Kniga–sobytie) (Run, ram, run! (A cliff-hanger book) // Literaturnaya Rossiya. – 2001. – № 37. – S. 2.
12. Korovashko, A. V. Mixail Baxtin (Michael Bakhtin) / Aleksej Korovashko. – M.: Molodaya gvardiya, 2017. – 452 [12] s.
13. Sy'chev, A. A. M.M. Baxtin ob osobennostyax metodologii gumanitarnyx nauk (Bakhtin's point of view on humanitarian sciences' peculiarities) // Izvestiya samarskogo nauchnogo centra Rossiskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2018. – Tom (Vol.) 20. – № 6. – S. 85 – 90.